

Астафьев Виктор Петрович О чем ты плачешь ель astafevictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevictor.ru/> Приятного чтения!

О чем ты плачешь, ель? О чем ты плачешь? Ель скреблась веткой о стекло. Скреблась несмело и почти неслышно. Ветка была мокрая, капли скатывались на кончики ее лапок, на бородавочки. В каждой клейкой бородавочке хоронилась новая лапка – новая жизнь дерева. Бородавочки были не больше капель, что суетились на оконном стекле, вспыхивали на мгновение и угасали. "Неужто и в жизни так вот! – думал дядя Петр. – Вспыхнет жизнь человеческая или какая другая, займется ярким светом да и погаснет?.." Так рассуждал дядя Петр, глядя на лядащую елку, которая царапалась в окно, как приبلудная нищенка. И зачем он ее оставил, когда рубил избушку? Добрые деревья свалил, раскряжевал, скатал на сруб избушки, а эту – старую, мослатую – оставил?.. Пожалел? Нет. Чего ж ее жалеть-то? Просто оставил и оставил. А она взяла да оправилась, загустела хвоя на ней, закучерявилась колючий лапник, а нынче вон даже шишки появились, желтые, изогнутые... Света больше доставаться стало дереву, молодняк не теснил. Кроме того, половина корней попала под пол избушки. Там всю зиму земля талая, соков больше. В избушке душно и жарко. Вместо печи стоит бочка из-под бензина и занимает почти половину охотничьего помещения. Мало дров положишь – печка вроде бы обижается, шипит только. Больше подбросишь – сердито гудит, краснеет, и в избушке хоть парься. Если уже дышать нечем становится, дядя Петр сползает на пол и лежит на полосах бересты, чувствуя сквозь нее потным боком приятно охлаждающую землю. Не спится. Забыл, спокинул охотника сон. О стекло царапается ветка, оставляя махонькие, недолговечные капли. Они тяжелеют, наполняются и, как опившиеся пауты, отваливаются вниз, в темноту. Длинна ноябрьская ночь. Длинна и переполнена еле ощутимой тревогой. Сторожко спят в хвойных лапах рябчики, еще вылетающие с зарей на кормежку, кратковременную и вороватую. К ближним осинам или в малинник пошелушить мерзлых ягод выбегает заяц, за которым в лесу не охотится только ленивый. Тропят к рассолам отошальные за осенний свадебный гон сохатые, оставляя на сучках клочья толстой шерсти. Залез в берлогу и медленно, надолго засыпает благодущный от сытости и уюта медведь. Не доверчивой, хитрой сделалась белка, которая совсем недавно сидела на вершине ели, кокетливо вертела хвостиком, игривым цоканьем дразнила грибников. Начала петлять и ходить лесными грядами белогрудая куница. Наступил первослед, страдная охотничья пора. Вот из-за куницы-то и не спал дядя Петр. Утром кобель Ураган взял след самца-куницы на Дунькиной гриве и, хрипловато вскрикнув, ударился в чащу. Самец-кот спал в беличьем гоине. Белку он поймал на рассвете, задавил, съел и завалился спать в еще теплую квартиру. Так всегда поступают сильные, не любящие рассуждать хватчики. До этого коту удалось прихватить на пути всего одну мышку. Он проглотил ее одним вдохом и даже снежок с капельками крови слизал с валежины. Кот был голоден. Год от года в этих местах становилось все меньше и меньше белки. Только привязанность к родным, до последней веточки знакомым лесам удерживала здесь кота, а то бы он уже давно откочевал. Прикрыв мордочку хвостом, спал зверек, но не спали его слух и нюх. Вот дрогнули мокренькие дырочки ноздрей, и сразу воспрянули, насторожились уши. И еще не успел кот проснуться, открыть глаза, как уже почувствовал собаку. Он пружинисто вымахнул из гоина, темной молнией метнулся по снегу и пошел, легкий, сноровистый, увертливый. Вдали простуженно и хрипло вскрикнула собака. Кот знал этот вскрик, мало похожий на собачий лай. Кот поднялся на дерево, надеясь сбить Урагана со следа. Куницу, идущую по таежной гряде, Ураган чуял хуже, и этот кот в прошлом году дважды ушел от него. Умен был кот, стреляный был кот. Под кожей на шее у него перекачивалась дробина, и он подергивал иногда головой, чихал по-кошачьи, не понимая, что это ему мешает. Но за ним шли очень чуткий кобель и умудренный годами охотник. Кот удлинил прыжки, сделал скидку на другую гряду, перемахнул к речушке, заваленной выворотнем-лесом, плотно скрытым крапивой, оцетинившейся от мороза. Кот, конечно, не знал, что Ураган износил сердце на охоте и научился беречь его. Пес уже не горячился, не бегал зря, умел окорачивать след, срезать круги, распутывая хитромудро нарисованные куницей петли. Когда солнце обняло полукружьем крохотный день и стало сваливаться за горы, кот совсем близко услышал дыхание Урагана. Надо было выходить из леса, бросать родной урман. А уходить из леса было боязно. Какое-то время кот шел вдоль опушки, прыгал с дерева на дерево, с сучка на сучок. Его легкое тело, управляемое коротким хвостом, плавно опускалось на сучки, и все же комья кухты опадали вниз, дырявили тонкий слой первого снега. Ураган вел гон по опавшей кухте. Шел точно и споро. Кот прыснул на вершину самой высокой ели, припал грудью с белым фартучком к стволу, огляделся. Куда уходить? Впереди виднелась черная лента реки, испятнанная заплатами льдин. Подле реки, то взбегая на угесы, то опадая в межгорья, тянулась узкая полоска леса, местами порванная тракторными волоками

Астафьев Виктор Петрович О чем ты плачешь ель astafevvictor.ru
или простреленная тропинками. А между этой полоской и еще не сведенным островком леса, где мчался кот, чуть припрятанные снежком, лежали без конца и края поваленные деревья. Кот всегда боялся подходить к этому мертвому лесу. Здесь развелось много жуков-короедов, лесной блохи, черных муравьев и всякой другой заразы. Загубленные деревья прели, впивались сломанными сучками в болотистую жижу, хрустели, оседали. Там постоянно слышались шорохи, стоны, будто понапрасну загубленные деревья, умирая, скрипели зубами. Дядя Петр сидел на валежине подле опушки и тупо смотрел на раздвоенный след-копытце, уходящий в поваленный, захламленный лес. Кота здесь не взять. Ушел. Страх вынудил спуститься в поверженный лес, пахнувший порченым вином и гнилым болотом. Но куда было деваться коту? Живой лес кончился, кот скрылся в мертвом. Дядя Петр снял шапку, и от его редковолосой головы валом плеснулся пар. Руки и ноги дрожали. На глаза наплывали желтые круги. И солнце, вздремнувшее перед закатом на вершинах леса, за рекой двоилось, сердце, вроде бы разбухшее от натуги, опадало вниз, уходило из горла, высвобождая дыхание. Начала остывать мокрая спина. У ног охотника, с закрытыми глазами, с разом обозначившимися ребрами, уронив костистую голову на поврежденные лапы, лежал Ураган. Хриплое дыхание вырывалось из его ноздрей. – Ну что, Урагаюшко, – сказал дядя Петр. – Ушел кот-то, умотал, варнак? И столько глубокой горечи почудилось в голосе охотника, что Ураган, преодолевая слабость, поднялся и положил голову на колени хозяина. Возле порванных ноздрей Урагана шерсть была седая и редкая. Обозначилось множество беловатых шрамов – это следы укусов куницы, барсуков, рысей и собак. Ураган в молодости был лютым драчуном. Если он хотел, всегда первым становился на собачьей свадьбе. Шавки и разные дворняги тонко и горестно завывали, топя на расстоянии от Урагана. Оборони Бог подвернуться. Сцапает кобелина зубами и кинет в канаву либо в огород. Почему-то яростно ненавидел Ураган овчарок. Может быть, в нем говорила злость вечного работяги, трудно добывающего свой собачий хлеб? Относился он к овчаркам примерно так же, как в прежние времена мужики относились к дворянам. На его совести было несколько загубленных овчарочьих душ. – Вот так, Урагаюшко, – со вздохом закончил разговор с собакой дядя Петр, – остарели мы, видно, с тобой, уходились. Они брели в избушку. Дядя Петр впереди, Ураган сзади. Кобель сник, опустил голову и часто присаживался выкусывать из лап налитанные кровью ледышки. Через порог избушки он перемахнуть не мог. Перелез, будто пьяный мужик. Чувствуя, как стиснуло сердце, дядя Петр закричал: – Какова лешева ползешь? Околевай – так околевай! После этого дядя Петр зло рвал пилою сухостоину, колот чурки так, будто сокрушал зверя лютого. Наготовил дров столько, что хватило бы в русскую печь на неделю. Работа немного успокоила. ...В охотничьей суме, пропитанной жиром и всевозможными запахами, хранилась четвертинка водки. Дядя Петр каждую осень брал с собой четвертинку водки и распитием ее отмечал первую добычу. Этот сезон начался с неудачи. Ну так что же? Обрато нести четвертинку? Сердито высморкавшись за печку, дядя Петр подержал в руках, как пташку, стеклянную посудину и решительно хлопнул ее по уютному доньшку. Пробка шлепнулась в стенку, брызги водки шипнули на печке, и охотник мрачно крикнул. Под парами спокойно завозился Ураган. Суетливо ходит по окошку ветка ели, и когда в печи вспыхивают дрова, она кажется белой, а капли, текущие по стеклу, черными. Но стоит притухнуть печи, сразу светлеют капли, которыми плачет за окном черная ель. О чем ты плачешь, ель? О чем ты плачешь? Дядя Петр ведет молчаливый разговор с елью. "Ты осталась живая, елка. На тебе даже шуба замохнатилась, шишки появились. Плодиться начнешь. Глядишь, год-другой – и появятся этикие ребятенки-ельчонки вокруг тебя. Жизнь твоя будет нескончаема. Когда состаришься, опадет с ветвей хвоя и корни твои один по одному станут отпускаться от земли, однажды качнет тебя ветром, может быть слабым, и ты, видевшая на своем веку бури и ураганы, упадешь, обламывая со звоном голые сучки. Может быть, дети твои – мохнатые ребятенки – подставят свои гибкие плечи и смягчат твой удар о грудь земную?" О чем только не переговоришь в осеннюю длиннуюпредлинную ночь!.. О чем только не передумаешь?! Вечер ходили грудастые, непричесанные тучи. Они оседали все ниже и ниже, пока не коснулись лесистых гор мелкой, быстро тающей крупой. Потом плюхнулись на землю густым и липким снегом, а после этого высеяли мелкий белый бус – не то туман, не то дождь. Притих, ужался лес, знобко передернул плечами и покорился. Стоит беспомощный, голый во тьме. А к утру ударит заморозок, и тогда защелкают обледенелые ветки, хрустко начнут обламываться под ветром отягченные затвердевшим снегом лапы пихтача и ельника, станет лопаться тугая кора на липах и понурится, обвиснет унылый березник. Только елке подле избушки будет хорошо, безопасно. "Елка ты, елка! – глубоко вздыхает охотник. – Помнишь, как пришел я сюда ранней весной? Не пришел, а, прямо говоря, приполз и сыскал вот это уединенное, от глаз скрытое местечко для избушки. Раньше ставили избушки на охотничьем перепутье. Оставляли в них истоплю дров, узелок с солью, серники и сухаришки. Обязательно на перепутье, чтобы человек отдохнул, спасся от

Астафьев Виктор Петрович О чем ты плачешь ель astafevvictor.ru
непогоды и голода. А теперь нельзя. Иные люди (да и не люди они вовсе!) почему-то рассыпают соль, сжигают дрова, выбрасывают сухари и оправляются в избушке перед уходом, как животные. Мало того, они балуются огнем и сжигают пристанище охотников. Глянь по Уралу. Сожжены и порублены избушки на Вильве, на Яйве, на Усьве, на Койве, на Чусовой – на всех таежных реках. Остались только те избушки, что от глаз скрыты. Почто так?" В двух верстах от этой избушки давным-давно был поселок. Здесь когда-то плавил руду каторжане, копали они ее вокруг поселка, названного нерусским словом – Куртым. От поселка осталась лишь кирпичная печь. На ней вырос ивняк и пихтач. И кладбище на бугорке осталось. Дядя Петр любил заходить на это одичалое, умирающее кладбище. Как и всякое другое человеческое жилье, оно требовало догляда. Лишь три креста и две оградки из тонких, подолбленных дятлами жердочек остались там. Позавчера дядя Петр завернул на Куртымское кладбище. Кто-то был до него здесь дней за пять, выворотил оставшиеся кресты, сломал оградки и развел костер на могилах. С недоумением и болью огляделся охотник по сторонам, как бы отыскивая того, кто обобрал и без того бедные могилы, и вдруг увидел что-то блестящее в траве. Думал, шляпка гриба, наклонился, а это двадцать копеек. Поднял дядя Петр монетку, сжал ее в кулаке и круто выругался, хотя никогда, даже пьяный, в лесу не матерился, а на кладбище тем более. – Хозяева! В душу вас!.. Вокруг него подчистую обруленные горы, и, может быть, потому, что стоял он над прахом каторжан, напоминали они стриженные арестантские головы. Как-то еще в детстве дядя Петр видел людей, этапом идущих за Урал. У них были головы в шрамах, рубцах, шишках и струпьях. Сняли красу с гор, забрили им лбы, и обозначились овраги, болотца, ржавые ручьи и тракторные волокы вкось и вкривь, будто был никем не управляем трактор, и колесил он по земле как хотел и куда хотел. "Что же это за человек такой появился, который может развести огонь на кладбище из крестов и оградок, срубить лес и бросить его, уронить и не поднять двадцать копеек? Где он взрос? Чей он хлеб ел?" на печи зашипело. Просочился дождь с потолка. Течет по горячей трубе. Парит. Духота в избушке. Дядя Петр ложится на пол, смотрит в окошечко, где еще вздрагивает, слезится ветка ели. Люди построили мосты, железные дороги, пароходы, стреляли в небо мудрой штуковиной с собакой. Они лечатся у докторов и оберегают детей от микробов. Да, да, его родная дочь, прежде чем кормить сынишку, кладет ложку на горячую плиту и накаляет ее, говорит – дезинфекция. Микроба-бактерия представлялась дяде Петру вроде таракана, только посрамнее на вид. Он несколько раз тайком глядел на ложку внука и никаких бактерий не обнаружил, однако относился ко всем этим причудам уважительно. Но почему же этот нынешний народ не уважает обычай леса? А ведь они, эти обычаи, создавались тысячелетиями, и мудры они, полезны, потому как те, что оказались непригодными, отбрасывались нещадной таежной жизнью. Из-за лесного варначества, беспутства и корысти набродных людишек гибнут геологи, гибнут туристы, гибнут иной раз даже охотники и пастухи-оленоводы. А ведь для всех людей, кроме подлых, тайга всегда была кормилицей и спасителем. Так неужто лесное варначье свои законы на земле установит? Неужто умные люди так и будут бороться с ними только красивыми словами? Что же останется на земле детям нашим? Одни красивые слова о красоте и жизни или вот эта самая жизнь и красота? Очень давно известно, что из слов, даже самых красивых, шубы не сошьешь. Вошь надо давить, особенно лесную вошь. А разумного человека учить надо видеть трудное рождение жизни. Взять то же дерево: по вершочку, по сучочку растет оно, а срубается одним махом. Сколько придумано человеком машин и всяких разных штук для того, чтобы свалить самое обыкновенное, живое дерево. А много ли мудрили люди над тем, чтобы помочь скорее расти дереву, быть ему здоровым и сильным? Сколько срублено и сколько посажено? Подсчитать надо, баланс под это дело подвести, пока не поздно. Такие вот примерно мысли все чаще и чаще появлялись у дяди Петра. И еще другие думы бывали. Разные. Например: почему есть в школах учителя по физкультуре, по пению. Есть, которые учат рубить, строгать, пилить, гайки нарезать и завинчивать. Шоферить даже кое-где учат. Но почему нет таежному делу учителя? Вот взять его, дядю Петра, и назначить на эту должность. Да он ее, эту ребятню, за один месяц научил бы тайгу слышать, видеть и понимать. И не стали бы, глядишь, люди после этого размахивать топором в лесу, как в битве с чужеземцами. Нет, что ни говори, машины, ракеты – все это хорошо, но должен появиться на земле заступник и радеть лесом. Обязательно должен. И ему надо поторопиться, пока еще есть что беречь. Надо помочь ему вырасти, этому заступнику. Ох, как надо! Под ногами завозился и застонал Ураган. Постонал виновато и даже чуть заскулил. Точно так же он заскулил давеча у мертвой лесосеки, в которую безвозвратно ушел кот. Должно быть, увидел Ураган во сне этого недобытого кота. Да, ушел кот, ушел. А сколько на своем веку выследил таких котов дядя Петр! Сколько кошек, рысей, белки! Город можно одеть в добытые им меха, целый город! Помнит, в начале тридцатых годов встречали его, дядю Петра, на заготпункте, как роднейшего

Астафьев Виктор Петрович О чем ты плачешь ель astafevvictor.ru человека. И стульчик ему поставят, и договорчик поднесут, и отоваривание всевозможное предложат, и о здоровье спросят. А он, дядя Петр, на вопросы лениво отвечает, насчет здоровья вовсе ничего не говорит, договор не подписывает, требует самого Евстигнея Ивановича. Вот так. Потоку что был человек безвылазно месяц, а то и два в тайге, ел чего попало, в бане не парился, спал где придется, не раз заскакивал в гости к смерти и чуть башку себе не свертывал в гоне за зверем. Мог он после всего этого позволить себе маленький кураж? Евстигней Иванович, заведующий "Заготпушнинной", во всем этом имел тончайшее понятие, потому что сам полжизни в тайге провел. Он не полезет к тебе сразу с договором и со здоровьем. Он, бывало, жманет лапу, саданет по плечу и скажет: "Ну, как промышлял?" И дядя Петр ему ответил: "Обыкновенно, помаленьку". И все. Больше никаких слов не надо. Евстигней Иванович кинет на ходу приказ: "Принять пушнину от Петра Захарыча и премию соответственно начислить, а мы пока с ним чаишком побалуемся". Примут пушнину конторские по совести, без обмана, без подвоха, потому что шкурка к шкурке, ворсинка к ворсинке, волосок к волоску подобраны. А дядя Петр тем временем, обласканный, сидит в гостях у Евстигнея Ивановича и не то чтобы пьянствует, а так, для уважения хозяина, выпивает с ним поллитровку, и вовсе ему не интересно это винище. По сердцу ему оказанный почет и беседа. Беседа нешуточная, про мировой капитализм. И выходило так, что лишние нормы по пушнине, выполненные дядей Петром, – это удар под самое дыхало капитализму. Да после этих слов дядя Петр, бывало, себя почти до смерти гонял. Другой раз можно куницу или соболя ударить из ружья, а он пройдет две-три лишние версты, из-за этого в снегу заночует, но шкурку дырявить не станет. – Э-эх, как все переменялось! Нынче на приемном пункте работает девка, техникум по пушнине кончила. Девка – спец по пушнине! Господи! Да это ли не измывательство?! Ну что она может знать в таком умственном и хитром деле! Губы у нее накрашенные, ногти тоже. Берет она двумя пальчиками шкурку: "Первый сорт, второй сорт", а сама при этом никакого интереса не проявляет к работе. – Хочется дяде Петру треснуть по столу так, чтобы доска проломилась. Только что и удерживает, что сидел за этим столом когда-то Евстигней Иванович, великий знаток охотничьей души. Девку ту охотники надувают, сплавляют ей невышедшие шкурки, брак сплавляют и вводят ее в конфуз и в убыток. Дядя Петр никогда себе такого не позволял и не позволял. Но и оскорблять себя тоже не даст. А его в прошлом году оскорбили, по самому нутру гвоздем царапнули. Во-первых, дали худой договор, как начинающему промысловому, и главное (эх, даже вспоминать тошно!), главное – заставили три дня обивать пороги, ждать деньги. Банк, видите ли, не выдал по какой-то причине деньги, и он был вынужден сидеть в конторе и смотреть, как конторские девки щелкают на счетах и прыскают, рассказывая про какие-то свои, вовсе не охотничьи дела. Да будь бы жив Евстигней Иванович, да он бы этих девок самолично выбросил из конторы в окно. А если бы узнал, что охотник Петр Захарович ждет трудовые рубли и теряет попусту третий день в горячую пору промысла, да он бы и контору ту по бревну раскатал... О чем ты плачешь, ель?! О чем ты плачешь? Дядя Петр покачивает головой, беседует: "Ты-то будешь жить. У тебя половина корней согрета. Только половина – и уж совсем другое дело, другой оборот. Приберег тебя человек, потому и ожила. И сам-то я, глядя на тебя, ожил. Ты помнишь, чуть тепленький явился на это место? А отчего? Оттого, что почти побывал на том свете". Летом, в межсезонье, дядя Петр нанялся на лесопилку точить пилы и другие режущие инструменты. На лесопилке практикант – парнишка с отвислой губой – воткнул рубильник, не поглядевши по сторонам. Заволокло дядю Петра в пилораму и стало мять. Полотен он еще не успел навесить, а то вмиг развалило бы его. Мяло секунды две-три, а в больнице лежал полгода. Сперва и вовсе был недвижим. Когда рабочие вынули его из пилорамы и положили на опилки, то накрыли мешковиной с лицом и ногами, как закрывают покойника, и стали ждать конфликтную комиссию. Парнишка-практикант, винясь перед всеми, плакал и вытирал кровь с лица дяди Петра и обнаружил, что тот еще немного дышит. После больницы охотник лежал на полатах, синий, слабый, и плевал в старую онучу кровью. Он явственно ощущал, как угасает в нем что-то и все ему вокруг становится неинтересным и даже надоедным. Ранней весной, когда над окном, вниз корешком, вроде остренького хрена, выросла сосулька и сырой ветер саданул ставней, словно бы рассердившись на лежебоку-хозяина, словно бы требуя выйти, еще раз поглядеть да уточнить, стоит ли жить на этом свете, дядя Петр слез с полатей. – В лес хочу! – Какой тебе лес? – запротестовала всю жизнь понапрасну протестовавшая жена. – Ты погляди на себя. Краше в гроб кладут... – В лес хочу! – уже сердито новгорил дядя Петр. Семейство дяди Петра знало: если "сам" начал сердиться, значит, дело клонится вроде бы к лучшему. Даже вполне может быть: после этого он пойдет на поправку. Провожал дядю Петра зять, лесничий, с которым он не разговаривал уже года три, потому что тот однажды клюнул на взятку и принял у конторы Кабардалес неприбранную лесосеку, ту самую, в которой скрылся кот. Зять помог срубить охотнику избушку в

Астафьев Виктор Петрович О чем ты плачешь ель astafevvictor.ru
семь рядов, верней, помог скатать бревна на мох, а все остальное дядя Петр уже делал без него. И как-то получилось, что сухопарая, всего о две-три лапы, елка с сучками-шильцами очутилась подле окна. Осталась и живет себе. Видно, весна воскресила их. Какая это была весна! Дядя Петр словно бы заново рождался на свет. Рубил избушку – топориче в мыле, но он, стиснув зубы, работал до полного изнурения, до ломоты в костях. И скоро перестал пятнать красными плевками снег вокруг постройки. Березник швырял в него отрубями сережек, допьяна опаивали его хвойным духом сосняк, пихтач, ельник. Кровь по жилам гнало, как внешие потоки в половодье. Шумела тайга, звенел от птичьих песен небосвод, дятлы весело барабанили по сухостойникам, зорьки делали охотнику побудку. Казалось охотнику – все птицы хором славил его труд и вместе с ним радовались его выздоровлению, упивались непоборимой, могучей, солнечной жизнью. По ночам дядя Петр слушал лес. И не было еще в жизни ничего приятнее этого великого, слитого воедино шума тайги. Порой ему казалось, что он сойдет с ума, не переживет такую небывалую весну. ...Лапку ели тронул чуть заметный, далекий свет. Там, за рекой, за горными горбами, над туманящимся, озябшим лесом, медленно прорастал желтый стебель рассвета. Седая от дождя и мокрого снега ветка ели тускнела в предутренней мгле, сливаясь с нею. Дождь перестал шуршать о стекла и долбить железную трубу наверху. С рассветом заглодало. Стекло подернуло белыми травинками и жилистым листом. Скрыло елку мутным стеклом. Оцепенел мокрый лес. В гуце его зябко продрожал в последний раз и с покорным вздохом сник ветер. Дядя Петр взял чайник и вышел к ключу. Ключ здесь же, почти у самого порога избушки. Испуганным зверьком он трясся возле неохватного пихтового пня и казался пестрым от упавших в него листьев. Дядя Петр тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, опустил кружку начерпать воды. Послышался тоненький звон до невидимости прозрачного ледка. Наполнив чайник до краев, дядя Петр стоял неподвижно, раздумывая. Перед его глазами в разлапнике пихтовых корней возился, жил, дрожал ключик. Маленький ключик, почудившийся охотнику зверушкой. Давило сердце. Забыв умыться, дядя Петр ушел в избушку. Неторопливо, раздумчиво пил охотник чай, запаренный прутиками малины. И почему-то все время виделся ему медведь, с которым он в прошлом году нос к носу столкнулся неподалеку отсюда, в старой лесосеке. Дядя Петр косил сено на вырубках и вечером пошел набрать кружку ягод. Самое странное было в том, что он вроде бы и не испугался медведя и тот вроде бы тоже не испугался его. Они ошарашенно смотрели друг на друга. Совсем не сознавая, что делает, дядя Петр сорвал ягоду, положил в рот и нажал на нее языком. Сладко! Медведь помедлил, затем прижал одной лапой кусты к пню, другой лапой деловито сорвал горсть ягод вместе с листьями и запихал их в розовую пасть. Сладко! Дядя Петр деликатно отщипнул вторую ягоду и, глядя немигающими глазами в оцепенелые зрачки медведя, отступил на шаг. Так, обирая кустик за кустиком, они уходили друг от друга. И только после того, как сажень в ста, уже за логом, медведь по-дурному рявкнул и, затрещав кустами, ринулся прочь, дядя Петр тоже хватил во все лопатки, не бежал, а летел, можно сказать, вроде бы и земли ногами не касался. Откуда и прыть взялась! Чудные, памятные штуки в жизни бывают. Четырнадцать медведей положил дядя Петр, а отчетливо помнил только этого, неубитого, пятнадцатого. Совсем рассветало. От жары опять оплыло стеклышко в окне. Снова видна еловая ветка. Перестала она плакать, сникла, успокоилась. На кончике каждой иголки остекленела крупная капля. Елка несмело играла искрами. Дядя Петр насыпал в пол-литровую банку молотой соли, а на полочке оставил две пригоршни сухарей и коробок спичек. Выбрав смолистые поленья, он клеточкой сложил их под нарами. Долго драл на тоненькие ленточки бересту и, когда истопля дров была готова, постоял, подыскивая еще работу. Никакой работы больше не было. В изголовье на нарах лежал старый-престарый буденовский шлем, найденный дядей Петром когда-то возле поселка Куртым. Охотник собрал с полки сухари и высыпал их в шлем. Туда же бросил коробок спичек и добавил к этому добру пять комочков сахара. Шлем он подвесил на железный крючок, на котором обычно сушил шкурки. Так лучше, не доберутся твари. Охотник подпер избушку березовым колом, вместе с Ураганом обошел вокруг нее, мимоходом коснулся щекой колючей ели, перешагнул через ключик и ушел. Над избушкой долго струился дымок, но постепенно поредел, распаутинился, и его не стало. Еще какое-то время шипели снежинки на трубе, потом и шипение утихло. Прилетела вертоголовая воровка-ронжа, огляделась, крикнула и стала искать еду подле избушки. Нашла в снегу голову соленой трески, разрыла ее, исклевала и запрыгала к ключу. Ронжа напилась и с интересом глядела на ключ. Оттуда, из воды, на нее смотрела озороватым глазом такая же, как она, рыжеголовая птица. И все бормотал, бормотал под пеньком чуть слышно, почти невнятно ключишко, бормотал и шевелился...
1960–1961

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Астафьев Виктор Петрович О чем ты плачешь ель astafevvictor.ru
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!